

— Максим Исаакович, если честно, гражданство не поменяли?

— Я не менял гражданства, но, чтобы нормально жить в любой стране, надо как-то легализовать свое положение. Получив вид на жительство и прочее. Как мне оставить Россию? Здесь у меня все — и квартира, и дача... И соавторы, и артисты, и друзья...

А в Америку я начал ездить еще три года назад. Первый раз — с покойным Леонидом Дербеневым: готовил проект для одной русской певицы. Были и планы заняться бизнесом... Так и начал жить на два дома.

— Значит, эмигрантом себя не считаете?

— Ни в коем случае. Если человек имеет возможность жить в разных точках земного шара — почему нет? Творческие люди этим пользуются...

— А как насчет бизнеса? Померили гармонию алгеброй?

— Видимо, взялся не за свое. Чистый бизнес — не для меня. Жизнь заставила вернуться в свое творческое русло, оставить одну фирму и создать другую — российско-американскую корпорацию по культуре, которая занимается музыкальными проектами. Там я кое-что понял... Именно Америка (как, впрочем, и другая западная страна) помогает осознать: твоя профессия — самое главное оружие, и не надо лезть в другую.

У нас же самодеятельность — во всем. В России это вечная традиция — заниматься не своим делом. И я не исключение. Решил, что бизнесом заработать можно гораздо больше и лучше. Ничего подобного. И заработать, и получить удовлетворение в жизни можно лишь от профессии, которая у тебя в руках. Я увидел, что там люди добиваются своего, когда бьют в одну точку. И это меня как-то возродило.

— В какую же точку вы стали бить?

— В свою, музыкальную. Начал работать с Голливудом. Пошли первые заказы. Уже почти закончены две картины. А там — если человек входит в эту дверь и все удачно складывается, он продолжает входить в нее регулярно. Я надеюсь, что пришел к голливудскому двору — что вообще там редкость.

— Вам кто-нибудь помогал?

— Разумеется, у меня были рекомендации. Помогали и американцы, и соотечественники. Очень многие люди приняли участие. Это вообще достаточно характерно для Америки.

— А имя отца — действовало?

— Скорее, тень отца все-таки мешала. Как правило, родители-артисты пристраивают своих детей в театральные училища или киношкола. Хотя в большинстве случаев из них вряд ли что-либо получается. Если бы отец был жив, наверное, меня ждала бы та же участь. Но поскольку он давно умер, люди просто улыбались, услышав мою фамилию. Им интересно... А дальше надо было товар лицом показывать... Что и делал. А вообще — всегда испытывал некоторое угнетение личности от своей фамилии — слишком многие искали во мне или отцовское продолжение, или какой-то блат...

— О смерти Исаака Дунаевского до сих пор ходят слухи. Это было самоубийство?

— Уверен на сто процентов, что нет. Это был веселый человек, оптимист, жизнелюб. Страшно популярный (несмотря на то, что еврей), очень богатый... Да и пистолета у него никогда не было.

Тогда, в июле 55-го, мне было десять, я мало что понимал. Но потом по письмам отца, по рассказам матери, умершей полтора года назад, осознал, какие же тяжелые для него оказались послевоенные годы... Гонения, резкая критика, смерти любимых людей, неприязни со старшим сыном... Он же разрывался меж двух семей (у нас с братом разные матери) и как порядочный человек очень переживал... Он любил обоих сыновей...

— Если мы уж начали экскурс в историю семьи Дунаевского — что за история приключилась с вашим братом? Ему же приписывали Бог знает что...

— У Евгения уже в 16 лет было то, что есть сейчас у многих детей бизнесменов, — свобода плюс машина, дача и т. п. Таких считали "золотой молодежью". Но был он чрезвычайно скромным, общался со своим художественным кругом (он окончил институт им. Сурикова, стал художником). Трагическая история прогрессе-

ла рядом — в одном с нами дачном поселке. Молодые негодяи, отпрыски генеральской элиты, убили девушку, дочку дипломата Литвинова. "Благожелатели" тут же связали это с именем Евгения. Он же с той компанией даже и знаком не был... И судимости у него, естественно, никогда не было. Но сплетни поползли...

Появилась зловещая статья в "Огоньке", якобы за подписью биографа отца (тот впоследствии это опроверг)... Травля началась...

И вот после возвращения из Риги, с триумфальными проводами (отец в купе поезда признался: "Это мое последнее выступление, чувствую!") 25 июля 1955 года его унес сердечный приступ. У него всегда была сердечная недостаточность, развилась тромбоз... и вот шофер (мы были на даче) нашел его уже бездыханным — в квартире на улице теперь его имени.

А брат не приехал на его похороны, потому что был в экспедиции где-то в море Лаптевых на практике... Вот и вся история...

— Вернемся в сегодняшний день. Какую музыку пишете сейчас?

— Как уже говорил — во-первых, для американского кино. Здесь, в России, в кино работать неинтерес-

дильником, посудомоечными и стиральными машинами. И стоит она в два раза дешевле, чем я мог бы снять свою квартиру в Москве — всего тысяча долларов в месяц. А, например, телефонные скидки? Оттуда звонить сейчас мне в четыре раза дешевле, здесь — просто разорение! Однажды за месяц наговорил на четыре тысячи долларов — это безумие! А сейчас — и того дороже.

— Только ли из-за этого регулярно изменяете родине?

— Мне трудно в этом хаосе. Может быть, это недостаток воспитания. Родители пытались привить традиции нормальной жизни, нормальных условий... Я не могу красть, жульничать, устраивать аферы, не способен вклиниться в безумный мир наживы. А еще Остап Бендер говорил, что ни одно крупное состояние мира не заработано честным трудом. И это имеет отношение к России.

Здесь же ни с одним человеком — музыкантом, певцом — невозможно нормально разговаривать: сразу спрашивает — сколько? Какое "творчество"! Невозможно общаться. Пока я к этому взгляду не приспособился и здесь ужасно устаю. Обратно еду как бы отдохнуть.

В Лос-Анджелес тянет и то, ко-

— Как вы, Максим Исаакович, участвуете в нем чисто технически? У вас свой агент или менеджер?

— Пока добровольные помощники. Но на мне уже можно заработать — и тогда возьмут в оборот. Агента надо заводить, когда уже "засветился"...

— А организационного типа Союза композиторов поспособляют?

— Там есть всяческие гильдии. Режиссеров, актеров... Есть и музыкальная. Если ты член гильдии (а статья им очень проста) — не опустишься на определенный уровень. Гильдия диктует свои условия работодателям, защищает ваши интересы. Есть также организация типа нашего РАО, которая охраняет интересы автора в плане юридическом. Там очень невыгодно не выплатить авторские гонорары...

— С американскими певцами пробовали найти общий язык?

— Это бесполезно. И для молодых талантов, и для пожилых мастеров. Войти в американский рынок популярной музыки практически невозможно. И не потому, что это шоу-бизнес, рассчитанный "от" и "до". Дело в том, что вся эта структура, техника, технология, творчество, музыкальный

ку и глазки у них тухнут, — к чему им весь этот минор заунывный? Наши темы их мало волнуют.

— Значит, и "оглушительный успех" наших "звезд" там...

— Скажи. Все гастроли — по ресторанам. И по русско-еврейским точкам типа синагог и культурных центров. Хотя, кажется, у Леонтьева был недавно успех — гастроли готовили мои друзья, концерты были отрекламированы, билеты дорогие, в хороших залах.

Сейчас все-таки стараются возить артистов не по дырам. А раньше — приезжает человек на гастроли в Америку и попадает в обстановку сельских клубов 60-х — когда нас возили "на чes" в Урюпинск. Такие сельские клубы в американской глупинке — без света и без звука. Сейчас это реже. А причина проста — организаторы гастролей сами родом из Урюпинска. И мыслят провинциально. Американцы гастролей для нас не устраивают, интереса к нашей стране у них практически нет. Вот, к примеру, группа "Парк Горького" — она много лет в Америке, ребята блестяще поют на английском, великолепная музыка (не хуже "Бон Джови"), выпустили пластинки. Но все равно — ни гастролей, ни широкой рекламы у них нет. Поэтому попытки Лаймы Вайкуле или Бориса Гребенщикова — всего лишь способ пощекотать свое собственное самолюбие, уважить амбиции. Дальше ближайших друзей это никуда не идет.

— Как вы оцениваете нашу современную эстраду?

— Сегодня, чтобы написать песню для популярного исполнителя, нужно резко понизить свой уровень, свой вкус. Раньше никогда этого не делал — писал, как пишется. Сегодня — по-другому. И не потому что преобладает блатная песня. Она уже ушла. Но оставила глубокий след. Брайтоновский кабак внес свою лепту: И серьезнейшую. Певцы мне откровенно говорят — мы хотим, как Шуфутинский (с которым я дружу) или как Успенская. Я для нее написал один из первых шлягеров — "Гусарская рулетка". Но то была шутка, пародия... А чтоб всерьез? Для меня это в некотором роде трагедия.

Но что делать? Для другого рынка мы, как видно, не созрели. К великому сожалению...

Очень жаль, что мы сегодня абсолютно не интегрированы в мировые процессы в области эстрадной музыки — так, как это происходит с серьезной музыкой, с оперой, например, с балетом. Наши мастера оперы, танцовщики, балерины сегодня известны широко по всему миру... — Может, виновата "публика-дура", требующая из меню лишь "жареного" и "острого"?

— Публика здесь ни при чем. Ее можно воспитать. Почему спрашивается, она именно сегодня "резко понизила свой уровень"? Кто-то в этом, значит, виноват? Мы все валим на публику. Но виноваты все мы, профессионалы, которые делают не так, как надо. И я, наверное, тоже — когда иду на поводу того или иного исполнителя, не могу их перебороть. Они же хотят успеха сиюминутного — сейчас! Они хотят денег! Сегодня успех — это деньги. Это раньше — сначала слава... А в шоу-бизнесе очень высокие заработки, так, к сожалению, он у нас однобоко развился...

Работаешь для рынка — понижаешь уровень. Увы... И пока это будет продолжаться, никакие мечты наших даже самых выдающихся "звезд" о том, чтобы попасть в мировую элиту неосуществимы практически.

— Что же, и вы — наступите на горло песне?

— Несомненно. Я стою перед тем же выбором, что и исполнители. И все же сначала пытаюсь "навязать" певцу свое видение. Если попытка удастся хотя бы частично — я счастлив. Если нет — вынужден отступить.

Два года отказывался из принципа, ничего не писал... Не мог себя пересилить... Ну и что? Ущерб только мне. Пошли наконец интересные предложения от хороших певцов...

Так что мы с Резником снимаем обет молчания (он тоже два года не писал). Но ему проще соблудности свой стиль. Мне же придется идти на уступки. Хотя, думаю, что с Караченцовым (тема его диска очень неожиданная, даже философская — мужское одиночество, ностальгия по прекрасному) мы договоримся. И с Боярским. Наш стиль должен быть соблюден в той мере, в какой это интересно публике. Иначе — все мимо. А тогда для кого мы работаем?

Наталья БОБРОВА.
Фото Александра ИЗОТОВА.

МОСК. КОНЦЕРТЫ - 1995 - 8 июля - в.д. МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ: "ЛОС-АНДЖЕЛЕС — ЭТО БОЛЬША-А-Я ДАЧА..."

но. Большинство режиссеров, с которыми я работал (или хотел бы), практически молчат, ничего не делают. А вот остальные — опять же! — занимаются не своим делом — пишут сценарии и т. д.

Во-вторых — песня. Это здесь, в России. Одно из серьезных достижений этого времени — содружество с Ильей Резником. Раньше мы никогда не работали. И вот уже закончены альбомы для Тани Булановой, Николая Караченцова, начали работать с Михаилом Боярским, Машей Распутиной...

— Как вы работаете с Резником? Он ведь тоже, кажется, уехал?

Он как-то вдруг исчез с музыкального горизонта пару лет назад. Уехал? Почти. Молчал — тоже не совсем. Скорее, взял таймаут. Благо багаж подкопился вроде солидный — около двухсот песен, в том числе и музыка к шестидесяти фильмам, а также нашедшая по московским подполькам "Саломея" — мюзикл с Любовью Полищук. Двухгодичная пауза, кажется, подходит к концу. Буланова, Караченцов, Боярский, Распутина будут делать с Максимом Дунаевским свои новые проекты. А сам композитор наконец-то объявился дома — в просторной квартире на Огарева — аккурат над Домом композиторов...

— Да, и тоже в Лос-Анджелес. А работаем просто — и там, в Штатах, и здесь. Сейчас границы не имеют значения. Можно и по телефону работать.

Мы стараемся предложить певцам не просто мелодию и стихи, а полный проект — вместе с записью и даже видеоклипом. Мы связаны с хорошими режиссерами, клипмейкерами, которые, кстати, в Америке снимают клип намного дешевле, чем здесь...

— Если уж считать деньги... Где жить все-таки дешевле — у нас или у них?

— Здесь, в Москве, труднее жить по деньгам, чем там. Труднее соответствовать уровню, к которому я привык. Если нормально жить — все дороже. Поддерживать машину, квартиру, дачу, чтобы могли приехать люди, с которыми я общаюсь... Я не о роскоши, а о нормальном, среднем уровне. На него здесь никаких денег не хватит.

— А там хватает?

— Я снимаю в Лос-Анджелесе квартиру. Как большинство американцев. Район знаменитый — Беверли Хиллз, дом с охраной, теннисным кортом, бильярдом, бассейном. Вид на весь Лос-Анджелес. Квартира небольшая, двухкомнатная, но хорошая. Естественно, с положенными холо-



Такие люди в Голливуде...

нечно, что там живет мой сын от предыдущего брака с Наташей Андреевской. У нас прекрасные отношения, дружим семьями. Даже привычные американцы удивляются, видя нас, — например, на мое пятидесятилетие недавно собрались все вместе, с детьми. И с Шеллом чудесные отношения, даже строим творческие планы. А Мите уже двенадцать, он учится в голливудской школе, видимо, будет актером, не музыкантом. Мы часто общаемся в Лос-Анджелесе, который вся такая большая дача...

— Ну, а в музыкальном плане, чем Америка поразила Дунаевского?

— Это страна грандиозной культуры. С детства мечтал увидеть своих кумиров в джазе, рок-звезд. И теперь я могу не только их слышать, а и видеть — это колоссальное ощущение для музыканта. Поэтому я и пошел теперь на концерт Элтона Джона, за который вы платите такие бешеные деньги, которые там никто не платит.

Да, я поклонник американской музыки — как и отец. У нас в доме было колоссальное количество американских пластинок. И когда сегодня в Америке показывают музыку отца, все удивляются: это же настоящий американский джаз! Оказывается, запрет на ту музыку у нас был не случаен... Но ведь и в классике вся основа пришла с Запада — ну и что?

А Лос-Анджелес — вообще центр музыкальных традиций. Как и кино. Нью-Йорк же — разноязыкий хаотический Вавилон, немного напоминающий Москву. Там можно, не зная языка, прожить целую жизнь — например, на Брайтоне среди эмигрантов. Но и язык не главное. Главное — участие в культурном процессе.

язык — все это настолько специфично и обрастает такой кучей закономерностей, требований, условий, что постичь все это просто нереально. А проникнуть туда — это величайшая удача, которая очень редко сваливается на голову.

— Иностранцам?

— Именно. Ведь американский рынок практически не принимает даже англичан, кроме нескольких выдающихся имен — например, "Битлз", Стинг, Элтон Джон — просто по пальцам можно перечислить англичан, заявивших о себе на заокеанском рынке. Даже таких выдающихся. Про европейцев и говорить не приходится. Может быть, Иглесиас? Но он попал в сентиментальную струю. Шарля Азнавюра — и того не знают. К европейцам интерес низок, и я понимаю почему.

Во-первых, конечно, снобизм. Но, во-вторых, и творчество, и технологический процесс так далеко ушли вперед, что к нам это вообще не имеет никакого отношения. У нас же каждая минута (и нота!) измеряется долларом. А там — пробуют, пробуют. Бесплатно работают и месяц, и полгода... Пока сами не удовлетворены результатом, пока заказчик и исполнитель не будут довольны... И это вполне закономерно.

А за большие деньги там работают всего несколько человек — продюсеры, обросшие грандиозными студиями, целым производством, штатом помощников-музыкантов...

Так что не надо сравнивать себя с Моцартом. На нашем уровне мы на западный рынок не войдем. Нужно свой уровень здесь поднимать. Когда там узнают, что ты из России, в первый момент всем интересно, а потом видишь, как слушают они нашу музы-

Наталья БОБРОВА.
Фото Александра ИЗОТОВА.